

Из дневников 1980 года

8 января. «Начинается новая жизнь», так можно было бы цитатой из «Divina comedia» Данте, охарактеризовать мое теперешнее настроение и мироощущение. Я решился на кардинальную перемену в жизни. Именно: Бросить институт и полностью отдаться живописи. Сделать живопись своей профессией. И я буду следовать этому, чего бы мне этого не стоило.

Сегодня зашел к Мусику за чемоданчиком и папкой. Там сидел, ухмыляясь своей доброй улыбкой, милейший Кокоткин. Мы распрощались. Я сказал, что на днях уезжаю в Нукус. Это было вызвано моим глубочайшим желанием тишины, уединённости, покоя и одиночества. Искусство, ей богу, рождается из сосредоточенности. Достаточно пирушек, пьянок, разгильдяйства. Пора! Или сейчас или никогда. Люда меня полностью поддерживает. В остальном, с первого же шага я ощутил сильное противодействие и непонимание. Кое-как убедил мать, хотя сомневаюсь, вполне ли. Она страшится сообщить о моем решении Арслану. Я проведу здесь в Ташкенте зиму, а весной будет видно, как быть дальше.

Сегодня купил 17 кистей на Хадре, правда, страшно дорогие, но что делать. От 2 до 6 номера - 15 рублей и на 17 рублей красок, темперу и масло.

Положение осложняется скандалом с тещей и братьями Люды. Но пока со скрипом остаюсь. Мастерскую перевожу на рельсы живописи и постепенно, почитывая книги - готовлюсь к работе. Погода стоит то жаркая, то пасмурная. Через несколько дней мама с Мирой уедут. И тогда с одной стороны можно будет вздохнуть с облегчением, с другой подготовиться к новым нападкам со стороны тещи. Главное, я ощущаю твердую поддержку Люды и это меня утешает. Такой шаг мне нелегко было сделать, но я все-таки решился, подбадривая себя примерами тех из прошлого, кто круто менял свою жизнь.

Сегодня много ходил по городу пешком, зашел в Химсбыт, в оба салона и в книжные магазины, на студенческую выставку в «Ильхоме». Завтра, надеюсь, в последний раз иду в город по делам. Надо к Фаине в библиотеку, а там, бог даст, на выставки и в музей. Мама обещала дать на кисти 50 рублей.

Честно говоря, боязно пускаться в бурное море с одной только надеждой на собственные силы. Но когда-то, рано или поздно, это необходимо было бы делать. В последнее время лихорадочно много читаю.

Много пил с Кокоткиным. Подарил ему «Графику Пикассо». Хватит богемы, я пресыщен ею и хватит института, меня тошнит от него. Смелей, Жолдасов, ставим с тобой все на карту. И пожелаем друг другу спокойной работы, можно было бы добавить.

«Люда, милая, смертельно тоскую без тебя.»

Так устал. 2-3 дня мне было отвратительно. Но главное – ты родила нам с тобой дочку. Я страшно рад. Поэтому без тебя мне так плохо и одиноко. Но я креплюсь и жду тебя. Институт, я, по-видимому, оставлю. Иного выхода нет. Для меня было бы честнее оставить то, что не получилось и взяться за другое. Возможно, я поеду в Ленинград. Как отреагирует Савицкий, я написал ему паническое письмо? Люда, целую мысленно тебя и жду. Здесь без тебя мне невыносимо. Но я потерплю, посмотрю на дочку, подожду ответа от Игоря Витальевича. А там видно будет.

Мне кажется, все, чем я занимаюсь, не имеет смысла по сравнению с тем, что делаешь ты сейчас. Или имеет смысл только в связи с вами обоими (тобой и Азиме), в смысле обеспечения вашей жизни. Люблю вас обоих безумно, и думаю, не был бы так рад, если бы родился мальчик. И Игорь был рад дочке моей. Я ему написал. На кого похожа дочка? Еще раз целую, Эдик.

Постскриптум: То, что я хотел сделать до сих пор в области живописи, не подлежит никакому сомнению. Это гениальные вещи, хоть очень неуклюжие и топорные. Но это великие картины. В них есть искренность (за что ты полюбила меня), честность и глубокая правдивость в показе (стриптизе) своей души.

Ненавижу всех. Я, Люда, смертельно устал. Только ты не волнуйся. Мне все надоело. Единственное что меня удерживает на этом свете – это ты. Единственная моя, я без тебя – ничто»

9 января. Отправился в «Рассом» к Фаине. Долго ее дождался, смотря, как в коридорах умело красят маляры стены. Потом А.П. ввел меня в её кабинет, уже пустой. Я пожаловался на отсутствие кистей и она по мастерским собрала 5 кистей, из них 2 широких я оставил ей. О Фальке не заикался. Она буквально меня выпроводила, сказав, что не раньше чем через 20 дней что-нибудь придумает. Вернулся домой, мама сказала, что Витя болен туберкулезом.

Все поражены моим уходом. По дороге встретил Кокоткина и зашли к Мусику. Он посоветовал завтра поговорить с деканом об академотпуске.

10 января. Поработать в тиши и безвестности хотя бы 10 лет. Чего-то добиться.

11 января. Вчера 3 часа стояли на холоде, ожидая самолета. И вместо 7:30 в 9:30 проводил маму с Мирой с величайшим трудом. Поручил их вещи солдату. Толпа, давка, вещи перекидываются, лезут в самолет, задирая юбки, как в вагон во времена эвакуации.

Утром сегодня съездили на выставки Паршина, Енина и Кагарова. Люде больше всего понравился Паршин. Отличные акварели горных пейзажей. Шедевры. 3 большие картины.

Сбор материала становится моей страстью. Больше и больше красок, кистей, холстов, картона, разбавителей и т.д. Тем более, мы уедем в провинцию и будем писать там, а там красок никаких нет и в помине. Играет легкая музыка, на душе светлее немного. С тещей не разговариваю совсем.

В живописи надо работать смелее. Чем смелее, тем лучше, и как говорил Делакруа «Нужна большая смелость - быть самим собой».

12 января. Позавтракали. Дочитал «Подросток» Достоевского. Сложный роман. Надрывный. Мир идеалов и мучительных человеческих отношений. Надо перечитать немного погодя. Молодой человек в водовороте любви, интриг, шантажа, женщины, мужчины. Сложение человека. Понимаю, почему Фаина М. подарила мне эту книгу.

13 января. Рассматриваю репродукцию Вернера «Девушка». Прекрасно и так давно жила. Не осталось и костей. А живет в холсте. Уметь так писать - счастье. Теперь освободившись от института, я внимательней вглядываюсь в мир и живопись. Спокойнее, и нахожу многое, чего раньше не замечал. Ложусь поздно, под утро, встаю поздно.

14 января. Сходил в баню. Сумерки синие. Накапывает нечто среднее между дождем и снегом. Надписи в бане и порнографические рисунки. Довольно подробно информируют о способах «общения» с женщинами.

Понемногу втягиваюсь в живопись, лучше мне быть одному, без т. н. «друзей». Надоели до безумия и тошнит.

В искусстве все правомерно, любой прием, лишь бы он шел от искренности и правдивого чувства. Забываю понемногу институт.

16 января. Главное не метаться. Спокойно работать в тиши. И посвятить себя одному делу. Только так можно добиться каких-нибудь результатов. Но ни в коем случае искусство не должно делаться на нервах, страданиях близких. Следовательно, при всей личности необходимо не быть эгоистом. Опять днем, лежа на диване за книгой,

испытывал удивительное чувство личностности, что со мной родился мир и со мной умрет. Я не вечен. Радость от того, что тело, кожу, клетки ощущаю как себя и внутри этого тела живет мое сознание.

Продолжаю «1000 душ» Писемского. История молодого человека. Бездеятельного, но честолюбивого малого между истинной любовью и жизнью, фальшью самопредательства и денег. Художник и роскошная жизнь - право же - это трудное сопоставление. Купить богатство, покой, роскошь ценой самопредательства - это низко.

Я доволен, что ко мне никто не приходит. И потихоньку кропаю картинку. Теперь на некотором расстоянии, я с удивлением смотрю на все оргии, гуляния, словоблудие, безумства, сентиментальность моих отношений с другими. Это не нужно совсем.

17 января. Понемногу продвигаюсь. Сходил в магазин за водкой. Иначе здесь на террасе задубеешь. Люда дала 4 рубля, и я сам сдал бутылки из-под пива. На улице прохладно. Настоящий зимний день, со снегом на деревьях.

18 января. 4 часа вечера. Величайшая удача. Купил Кисти: №2 - на 5.60 к., №3 - на 3 р. 70, №4 - на 3.90, №5 - на 3, клей казеиновый - 1-90, Обогреватель - 800 коп., картон большой - 10.45 руб.

20 января. Позавчера подрался с Мусиком. Третий день с синяком дома. Дал ему почитать Писемского «1000 душ», Станкевича «На «Коршуне», Достоевского «Подросток». Отдал два тома Барлаха. Подарил Драйзера «Стоик», Анжимова «Франкл.» и «Архитектура и материал». Осталось радио у него. Помирились.

21 января. С сегодняшнего дня начинаю дисциплинированную неторопливую работу. Ни грамма спиртного. Иначе я ничего в жизни не добьюсь. Мое последнее пьяное безумие, закончившееся безобразной выходкой показало, что мне категорически нельзя пить. Взялся за ум.

23 января. Так вот и проходят дни в работе. Глаз заживает. 3-й час ночи. Продолжил «Ангелину». Люда спит уже. В последние дни читает «Лотрека» Перрюшо. Красок у меня полно. Возможно, даже больше чем у Пикассо, когда он начинал. Слушаю целыми днями «Маяк». Можно смело использовать лессировки. Особенно хорошо лессируется краплак и умбра жженая.

Ночью хорошо работать, тихо и спокойно. Обрести бы невозмутимость Будды. Как мало литературы. Видеть никого не хочется. Диктор усталым голосом объявляет погоду в мире. Пора и мне отдохнуть.

25 января. Проснулся в 3-м часу. Солнечный день. Поработал над портретом Кокоткина с обнаженной на фоне. Попробовал более пастозную живопись. Обругал Люду.

10 вечера уже. Сегодня вечером произошла довольно безобразная история с Сашей. Он позвал к своей матери и при ней стал спрашивать, называл ли я её сукой. Хотя давно знает, что я попросил прощения. Потом на кухне стал разглагольствовать о том, что надо кончить институт, что он меня заставит, избыет, приведет моих «друзей», чтобы я учился. Я отказался, хотя довольно мягко. Надо резче пресечь все попытки сбить меня с избранного пути. Поживу до весны, а там видно будет, как жить дальше. Я думаю, что смогу обеспечить семью куском хлеба, буду писать. Хотя сегодня думал, что много трудностей будет, особенно с появлением детей. Надо следовать своему пути, чего бы это ни стоило, и написать письмо Савицкому, позже Арслану и отцу. Все же, как безобразно я уехал из Нукуса, как стыдно и невозможно туда вернуться, где я так набедокурил. И теперь расхлебываю эту кашу, неразбериху человеческих отношений, обид, упреков, оскорблений, в которые я сам же себя поставил. Единственное, что мне хочется - это то,

чтобы меня все оставили в покое, хочется тишины, уединения, спокойствия и возможности работать, любой ценой.

Люда меня любит несмотря ни на что, чего же больше желать.

26 января. Мороз сильный, красные дома, зеленые заборы, пасмурное небо. Сосульки на карнизах, деревья припорошенные снегом, лед на дорогах, старики бредущие неторопливо в мечеть. Писал каракалпака старика на фоне заката и селения с фигурками. Это новое для меня. Получилась хмурая картинка. Ничего особенного. Когда лаком пишешь второй раз, картон уже не тянет почти.

Искусство требует величайшей свободы, изящности и раскованности. Без натуги, пота. Искусство это игра.

Почему я не могу по-доброму расставаться со знакомыми. Все норовят избить. Ибрагимов, Цой, Капцан, Иванов, Саидханов, Кокоткин. Что они все взбесились что ли? Если я не могу ладить с людьми, лучше отказаться от общения с ними. Так, по-видимому, лучше будет. Странное дело, все норовят драться по-пьянке. То слезливо лезут на шею, встают передо мной на колени, то лезут драться.

8 февраля 1980 г. (пятница) Только что мы вернулись из Музея Искусств в Ташкенте. Сходил в 3-й уже раз, сводил Люду. Просмотрели Н. и С. Рерихов. На меня произвели наибольшее впечатление маленькие этюды Н. Рериха. Восточная простота, безыскусность, величайшая сдержанность. Истинное, японское искусство малыми средствами (почти пропитанных темперой картон), достигается гармония, цельность. От Святослава болят глаза и голова. Многословие и безвкусица. У старшего большая культура живописи и глубина. Люде объяснил и показал - на что следует обратить внимания. Кажется, говорил довольно громко, и Люда обратила внимание на злобные взгляды других посетителей.

9 февраля 1980 г. (суббота) После обеда. Встал в 11. Поели. Сходил в баню, выждал огромную очередь и искупался в отвратительном, зассаном номере с душем за 35 копеек. Дочитал 4 том Конан Дойля.

13 февраля 1980 г. (среда) Льет дождь. Отвез и в тюрьму и бросил через забор 200 рублей Вите.

Позавчера проводил Савицкого. Были вместе у Тансыкбаевой.

14 февраля 1980 г. (четверг) Прошел этот безумный январь. Ужасный и нервный месяц. Вообще, какая то сумасшедшая зима. Начал читать «Исэ-монотогари» с предисловием Конрада. Свое спокойствие и независимость надо решительно защищать.

15 февраля 1980 г. (пятница) Жду Арслана. Надо взять денег и купить кое-что из материалов и книг. Вечер. Приехал вечером Арслан. Измученный и усталый, поговорили. Я сказал о Вите, что бросил через забор ему 200 рублей и он их получил. Рассказал о характере туберкулеза. Инфильтрация верхней доли левого легкого. Сказал, что написал Вите письмо. Арслан дал 125 рублей. Я приготовил ему отвезти на вокзал в воскресенье ковер, книги, ящик, постели для Ольги. Ей понравится это внимание - мы должны друг другу помогать. Потом попили чай, он поел яичницу, покурили. Уехал он в лучшем и бодром настроении.

18 февраля 1980 г. В субботу упился вдрызг и сорвал занавеску в зале. Ездил к Кокоткину, но не застал его. Часа полтора лежал у него в мастерской и читал книгу Маринетти о модернизме, вместе с Диком. Никого не застал. Ушел с бутылкой водки и упился.

Ночью снилось, что я в Париже с Людой весной и такая радость «Я в Париже». Как хорошо»!

21 февраля 1980 г. Позавчера в 2 ночи с Людой заехали к Кокоткину, поднял его. Поговорил. Неудобно, что поздно. Целый день пасмурно и моросил дождь.

Мне нельзя пить, я делаю страшные глупости, тянет на «подвиги». Когда-нибудь подохну, если не прекратить пьянствовать. Я не умею пить. Сколько можно бесплодно самовоспитываться?

Архитектура и проектирование интерьера интереснейшая вещь.

Начал рисунок и живопись. Неплохие постановки. В институте спрашивали обо мне, бросил ли я или нет институт? Я сказал, что в понедельник пойду к декану или завкафедрой с Кокоткиным восстанавливаться.

22 февраля 1980 г. (пятница) В институте меня встретили с радостными, удивленными возгласами на разный манер. Оказывается меня спрашивала Римма Еремян «У вас есть такой Эдик, что с ним?».

Капцан обещал книгу о Достоевском, себе он взял в библиотеке книгу о Модильяни.

День пасмурный, промозглый. Деревья, стволы, ветки, темные, намокшие от дождей.

Завтра в «обувщиках», «Москва слезам не верит». Сходить бы.

25 февраля 1980 г. В институте встретил Веру Николаевну, она передала мне от Кокоткина, что не нужно никуда ходить, к тому же - у нас будет декан новый. Надо взять «хвостички» и сдавать задолженности. Оставил планшет и поехал домой за эскизами, плакатами и планом. Привез в институт. Ключ на кафедре, там собрались педагоги и лаборантки отмечать 23 февраля. Кокоткина не было, или мне так сказали. Положил все в класс и поехал домой, только что из душевой, где какой-то пьяный храпит на полу. Выкупался в номере 1.

26 февраля 1980 г. Наши получили стипендии, с Капцаном сходили в лагманную над рекой. Он говорил о Модильяни, восхищался пьяными эпизодами жизни Модильяни и Утрилло. Утром надо в школу к Шолпан, там один парень плюнул ей в лицо, фактически выражаясь. Надо разобраться.

27 февраля 1980 г. Встал в половине восьмого. Сходил с Шолпан в школу. Нашел Лыбышева, поговорил с ним, пригрозил, заставил извиниться перед Шолпан. Видел классного руководителя, смотрел журнал. Много снега, очень красиво. Немного продолжил плакат.

28 февраля 1980 (четверг). Показал план и генплан. Кокоткин отверг, как ненужную трату времени и указал массу ошибок, делать проще - без украшений. Жаль, конечно, столько потраченного времени на узоры деревьев. Надо все доделать заново и делать хорошо. Петя сказал просто и хорошо, что нелегко тратить столько времени на эти штучки. Жаль очень жаль, но не сдаваться Жолдасов! С Колей Харитоном несчастье. Он в день стипендии напился и в институте, на лестнице попался на глаза декану и тот сразу направил рапорт об отчислении ректору и тот его подписал.

Кокоткин говорил, что всякими узорчиками никого не удивишь и что этот огромный план делал Жолдасов, подражая Вазарелли. Плакат мой, якобы, «неудавшийся» посоветовал повесить в аудитории как образец. Что я и сделаю (в духе японцев). А переделывать его явно нужно.

Искусство - величайший такт и скромность. Неужели мне не справиться с этим. Кокоткин, говорит «Ты стреляешь из пушки совсем не туда, куда необходимо». Это правда. Кокоткин заботливо справляется о моем здоровье. Не пить! Мне становится хуже, если выпью и значительно падает воля.

1 марта 1980. Вечер. 9 часов. Выпил 2 бутылки вина с Мусиком. Харитон принес 2 тома «Мастеров искусства для искусства» и Джотто. Господи, как давно это было - осень, вино, Гриша Капцан.

4 марта 1980. Вторник. Очень тяжелый был день. Баяндиев «прихватил» на лекции за то, что рисовали с Макариком карикатуры и писали всякую ерунду. Записал фамилии. Я зашел к нему после 12, объяснил свое поведение, извинился. Не знаю, чем закончится. Вообще кошмарный день. Потом было собрание насчет дисциплины и Коли Харитонова. Видел Кокоткина. Тагирова поставила экзамены.

6 марта 1980. Четверг. Бегом в институт. Посидел на политинформации. Преподавательница читала лекцию об образе Ленина в искусстве. Я читал рассказы К. Дойла из 6-го тома. Видел Кокоткина. Показал эскизы, за которые он меня обругал и смотреть даже не захотел. Показал плакат. Он не одобрил, сказал, что как конфетная этикетка и некрасиво по колориту. Но можно сделать лучше. Помог ему отнести плакаты.

7 марта 1980 (пятница). 11 вечера. Закончил 3-й плакат по 35-летию Победы. Цельно смотрится, но чем-то напоминает коробку сигарет «Прима». Посмотрим завтра, что скажет Кокоткин. На дворе похолодало.

11 марта 1980. В библиотеке взял книгу Пидоу «Геометрия и искусство». Очень нужна. Рита, умница, дает все книги. Сидел на истории искусств, читал о скульпторах. Утром, уходя, услышал, что прислали 50 рублей, из дома. Плакаты понравились ребятам. Котел попросил оставить плакаты ему.

11 часов вечера. Настроение отвратительное. Ничего не получается с планами. Сходил в баню в отвратительный номер с вонью. Ждал и человек 10 пропустил перед собой. Теща требует 15 рублей за свет, который жег ночами.

12 марта 1980. Показал Кокоткину плакаты. Красный доделать и в 3-й раз переделать с каской. За проект поругал и опять не стал консультировать. Нагрубил ему.

15 марта 1980. Пришел из института. Слушал «Советское право». Старый еврей читал лекцию о семье и о браке. Здорово знает свой предмет. Деканом стал Енин, секретаршей Саёра, крымская татарка. Читал о рисунках Кравченко. Людей было немного. Хорошо и толково прошел день. Только поменьше пить и все будет Окей.

16 марта 1980. Люде что-то нездоровится. Надеюсь, пройдет. День довольно пасмурный, прохладный. Вчера поздно лег спать. «Друзья» - Коля и Мусик сидели по-свински долго, с Сашей играючи в шахматы на кухне. Люда в последние дни много плачет, какое-то истерическое состояние, мне нисколько не нравится это.

Вечер. Звонил Тансыкбаевым. Игорь Витальевич приехал. 3 раза заходил и не застал меня, оставил две записки. Ездил к Люде. Глухую повязку с ее глаз сняли. Одели черные картонные очки с маленькими отверстиями. Лежит, сегодня разрешили ей сидеть.

В 9:40 прилетает мама. Сейчас 9, еду встречать. Завтра свадьба у Мусика с Майей.

22 марта 1980 года Суббота. Теща матерится и ругается, как сапожница. «Живете, как квартиранты. Я вам, блядь, покажу кино». Мол, не буду давать ни копейки. Но дала.

5 часов вечера. Сходили на «Осенний марафон». Люде понравилось. В доме большая стирка. Окна, двери настежь. В обед ходил в институт, встретил Петю, Юлсона. Продолжают старую постановку. Вчера приходил Коля. «Чашма" и чайник сухача. Легли в 2 часа ночи. Утром он ушел. Голова трещала. Закончил второй рисунок- обнаженный мальчик. Сегодня купил папку бумаги, синие чернила, 20 карандашей .

23 марта 1980 года Подрезали виноград. Вскопали огород. Выпили два литра вина и бутылку водки. Вечером выяснил отношения с тещей. Извинялась за мат. Я сказал, что не

дам в обиду Люду ни Саше, ни Вам. Я на ней женился, и значит в ответе за нее перед Богом и людьми, как говорится. День был солнечный и тихий.

24 марта 1980 года 6 часов вечера. Натянул 3 планшета и начал копировать третий рисунок – сидящий старик. Шолпан сказала, что будет ночевать у тещи в бане. Мы с Людой одни дома. Вечер. Люда на кухне что-то готовит. Дочитал «Ирреволюция» Паскаля Лене. Говорили с Людой о Рахманинове, Скрябине. Она жаловалась, что все забыла и мало читает.

Вечер. Приготовили ужин, поели, постирали брюки. Написал Арслану письмо. Прошу выслать 20-30 рублей, а то сели на капитальную мель. А так все нормально.

Книгу «Современные французские повести» возвращаю Мунире завтра. Макарику налил банку клея ПВА в баночку из-под сметаны. Взял лекцию по Баухаузу.

25 марта 1980 года Понедельник. Утром отвечал на семинаре по Ленину. Педагог здорово ругал нас. Женя расплакалась и убежала, всхлипывая во весь голос. Отдал Макарику ПВА, Вере Николаевне - доклад по Баухаузу. Лариса заинтересовалась, ей тоже надо вроде бы. Видел Петруччо. Принес макет. День солнечный, теплый. Я дома. В 2 часа пойду на историю искусств.

Лада (овчарка) развалилась на солнце возле своей будки и блаженно дремлет. Принес домой бумаги с первым плакатом и росписью из дворца пионеров, прошлогодней копии. Начинаю живопись.

Вечер. 8 часов. Сходил в институт, послушал лекцию Тагировой, забрал картон и домой. Сходил два раза на почту, наконец, во второй раз с доверенностью от Люды (заведующая поставила подпись и заверила) – получил 50 рублей от Арслана.

Накупили продуктов на 7 рублей. 1 кг. Сосисок, 5 пачек Примы и 2 пачки Беломора, 2 пачки чая, лепешку, мороженное, две банки кильки в томате, 2 мыла, зубную пасту, два альбома для набросков. Пришел – поссорился и помирился с Шолпан и тещей. Дал им обещание не приводить друзей и не пить. Спросил, сколько я должен за еду и свет. Теща не берет ничего. Ничего не хочется делать. С трудом продолжаю живопись.

26 марта 1980 года 5 часов вечера. Закончил кое-как одну живопись. Начал «Даму с кувшином». Останется еще одна, и всё.

27 марта 1980 года Я похож на собирателя аппликаций из кусочков разорванного времени.

3 часа дня, я уже дома и все, больше никуда пока идти не надо. День прохладный, пасмурный. С утра был в институте. Первая пара была политинформация, в учебном театре лекция одной женщины о Ленине, как о человеке. На несколько скамеек ниже сидела Лариса. Такая милая, черноглазая, блестящие как уголь глаза, белый гладкий лоб, сочные накрашенные губы. Дальше сидел Кокоткин с Росомахой и Мухаббат, ближе ко мне сидел Джаббар. Подходя к институту, я встретил Славу Калинина на машине, поклонился, он махнул рукой, сидя за рулем своего пожарного цвета «Запорожца». Подходя к институту по узкой улице, вижу туманные голые деревья и высоко в небе матовое солнце, такое дальнее.

Потом была политэкономия. Женщина рассказывала о круизе вокруг Средиземного моря. Интересно и завидно. Мальорка, Барселона, Ницца, Афины! Здорово! Рассказала о пьяной женщине из Белоруссии, архитекторе, которая в афинском магазине украла вазу. Жалко. Это трагедия.

В моем характере паническая боязнь труда, забот. Это со времен детства. Надо преодолевать – глаза боятся, а руки делают. Работать решительно и смело. И все обойдется. Весна грядет.

Кокоткин видится мне полубогом, а ведь самый обыкновенный человек.

28 марта 1980 года Пятница. Пришел из института в 4 часа. Устал немного. Рисовали обнаженную девушку. У Марины день рождения, приглашает. Но не пойду, не нужно. День прохладный, пасмурный. Пришел в институт в 9 часов. Договорился с педагогом Мирзаевым, что в следующую пятницу принесу рисунок и живопись. Девушки говорили, что вчера Кокоткин был в хорошем настроении - всех смотрел и консультировал. У Пети спрашивал обо мне. Тот сказал, что нет макета, а раз вы не смотрите полный проект, он ничего не принес. Он недовольно хмыкнул, так передал мне Петя.

Девушки довольно симпатичны. Много шутил, смеялся, делал глупости, впадал впросак. Надо быть сдержаннее. Начал рисунок для живописи, надо перевести на другую бумагу. Приехала Надя Синькова, сидит на кухне, принесла цветы и бутылку минеральной.

31 марта 1980 года Понедельник. Весь уикенд пропьянствовал. Вчера вечером покрасил полы на кухне. Встал в 9 часов. Утро провел в лагманной – пили чай с ребятами. Потом занес в институт рисунки Пети. Зашел было в институт, чтобы взять политэкономия. Не дали без читательского билета. Вечером с Колей поехали к Кокоткину, выпили чашмы.

11 часов. Пришел из института. Послушал научный коммунизм. Педагог льет воду, несет словесную шелуху, нанизывая одну на другую. Очень поверхностно, общими фразами и стереотипами. Вспоминал настоящие лекции Афанасия. А этот излагает материал очень путано, скачет из конца в конец. Голос надрывный, хриплый. Довольно утомительно.

8 апреля 1980 года Самый роковой и трудный день. Скоро полночь. Я и портрет Камило в мастерской Кокоткина. Утром приехал к Кокоткину. Он сказал: «Ты не одинок в своей боли, каждый настоящий человек носит в себе эту боль».

Поехали в институт. Там меня спрашивал педагог по Научному коммунизму. «Два раза Жолдасов не был».

9 апреля 1980 года «И поутру они проснулись». Где я, что я? Спал очень плохо. Снилось, что чуть не упал с огромной высоты, а все равнодушно смотрели на меня. 8 часов. Сегодня просмотр, а ничего не сделано. Надо торопиться. Смятение и тихое отчаяние. Боюсь всего.

10 апреля 1980 года День солнечный. 4 часа после полудня. Сижу в мастерской А.С. Рядом лежит Дик на полу. Утром хотел улизнуть пораньше, меня окликнул А.С. Он копался на грядке. Позавтракали и на трамвае в институт. Дорогой он рассказывал о том, что у них тоже во второй половине учебы были репрессии.

В учебном театре выступал парторг Минкультуры Польши через переводчика. Неважно переводил молодой человек. Будто плохо знает русский и польский. Потом политэкономия, обед вместе с Петей и Андреем в «Маршараке». Сходил в баню, постирал вещи. Видел Люду. Поел, забрал планшеты и сюда.

11 апреля 1980 года Снова дома. Три раза ездил к Кокоткину, перевез вещи, проконсультировался по поводу олимпийского монумента, ноги натрудил. Получил письмо от Вити с упреками и просит 20 рублей. У меня нет, отвечаю. Вечер, 8 часов.

29 апреля. В Ташкенте встречал маму, вернее не смог. Звонил Савицкому. Он отравился, ночью была рвота, плохо себя чувствует. Находится у Тансыкбаевых.

Выпил пива с рыбой на Хадре. Оказывается в мое отсутствие заезжал Коля. Истратил 31 рубль на краски. Магнитофон не воспроизводится, придется отдать на починку. Начинаю белить дом снаружи. Вечером свадьба. Опять после нескольких месяцев принимаюсь за дневник. Мама читает «Овод».

Утром проснулся в ужасе. До боли, до тонкости прочувствовал миг своего расстрела «Я никогда больше не буду жить и исчезаю навеки». Это ужасно. Страшно было Ф.М. Достоевскому, такое трудно пережить.

3 мая. Проводил маму, прохладное утро. Вернулся из аэропорта, где вчера провожал *Gentilissime*. Грустное утро, в духе «идеальной женщины» Дассена. Написал ей грустное, отчаянное письмо. Не уверен, что ответит. Но она сказала «Жду». Слушаю «Иронию судьбы», то, что мы ежедневно испытываем «иронию её», мы забываем. Дожди прошли, настала ясная погода, кончились праздники.

Все началось с дождя, веселья, вина, шуток, смеха и хохота. Утро было мучительно неловким, нелепым, но наполненным ясностью и болью душевной. Я рад всему. Вернулся домой, уснул в кресле, накрывшись курткой.

В 11 пришел Игорь Витальевич. Предложил мне в будущем заменить его на посту директора музея. Начал с «Когда-нибудь подохну». Я вежливо возразил и против «подохну» и против директорства. До вечера увязывали картины Кашиной. Я мотался за веревками, за газетами, за сроком отхода поезда. Вечером я уговорил его, ссылаясь на необходимость и кризис творческий, посмотреть мои работы, он был очень недоволен и ругательски ругал. Потом нашел что более раннее, прошлогодние работы, сказал - очень интересны и в них виден я, мое своеобразие. Сказал, что другой путь грозит ошибками, указал на отдельность кусков живописи и непопаданию кусков в общую структуру холста. Упомянул о Рождественском, Шевченко, Фальке. Говорили о полезности Парижа, но уже сложившемуся мастеру. В конце лекции отобрал мои работы для выставки в Нукусском музее, летом (50-60 работ) и заметил, что кое-что приобретет. Работы Мусика ему понравились. Говорил уже в трамвае о том, что есть возможность приобрести Сурбарана (6,5 тыс). Это здорово, если удастся. Говорил о том что большие трудности стоят перед музеем - 0,5 млн долгов, строительство нового музея и т.п. Нукусу нужны преданные и не случайные люди-художники. Говорил о самовоспитании Ван Гога.

Вечером сидел у Люды, отвез суп и белье ей. Потом зашел к Мусику и переговорил о возможности совместной выставки и о необходимости его помощи в погрузке картин.

3 мая. Вечер. Слушаю «Иронию судьбы». Чувствую себя довольно утомленным. В последние дни я недосыпал. Так долго тянется время, представить только себе, что вчера я был с моей любимой, какие заполненные дни! В душе приятная тяжесть, наполненность существа всего чувствами, мыслями, озарением, несмотря на такие заботы. Сегодня А. вышла на работу в первый день после нашего карнавала. Уму непостижимо наше молниеносное сближение. Ведь она сказала, что все так случилось, потому что «Я так сама захотела». Она почувствовала, что эта встреча лучшее, что изредка дарует нам жизнь и судьба. Сижу один в большой комнате, лицом к двери.

Савицкий много говорил о живописи сегодня и во время прощания на перроне. «Вот посмотри вокруг - сказал он - видишь как красиво, какой колорит. А ты пишешь пейзаж о пейзаже. Пишешь не реальный пейзаж, а воображаемый – как ты чувствуешь, как видишь. Поэтому пейзажи однообразны – как однообразны твои впечатления. Писать надо пейзаж, а не себя в нем». Говорил о моем пренебрежительном отношении к сохранности работ.

Вчера целый день я был в смятенье. Надо много работать, чтобы почувствовать прелесть жизни.

О современной живописи Савицкий сказал, что сейчас пишут под стиль 20-30-х годов. Каких только стилей нет, все это ложно, неистинно и неискренне. Нужно возвращаться к настоящей, реальной жизни, которая вокруг, а не парить в облаках фантазий и грез.

За этот и прошлый год я прошел эволюцию, много пережил, чувствую, как я зрею духовно и мужаю. Началось с хлопка. А если вспомнить какой неуверенный, робкий я приехал из

армии!? Решение Арслана поступать мне в институт во многом определило мою жизнь теперешнюю.

Читаю «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Сейчас дочитал до разговора Адриана Леверкюна с чертом. Вчера вечером написал длинное письмо на 7 страниц А. С уверениями любви, что счастье наше - наша встреча и не ищем оправданий. Робкое, поэтическое письмо, полное грусти, вздыханий, сожалений, намеков, недосказанности, умолчаний. Дал адрес до востребования. Не знаю, ответит ли? Писал до двух ночи на кухне у тещи. Потом зашел к Мусику, ворота заперты. Полчаса околачивался возле ворот. Чистое, трезвое, прохладное утро, тишина, пение птиц, покой, редкие прохожие, с удивлением оглядывающие друг друга.

Дома поел и успел на английский и рисунок. Какая распутная у нас и кокетливая, играющая, изумительно сложенная, общительна, красивая полу-осетинка Б. Лайло (Лариса).

Проводил Савицкого, отправил письмо к А., заехал к Люде. Её скоро выпишут. Надо купить ей пальто - стоит 150 рублей. Буду жить июнь здесь на квартире. Сходил в баню. Чист телом, свежо и грустно. Какое надо мужество, отказываясь от многого, идти к цели своей жизни, к смыслу её и прожить по- настоящему. С И. В. сходили к вдове Уфимцева, - они растрогались, расцеловались, прослезились. А Уфимцев, создав отличные картины, ушел ни во что.

4 мая. Вечер. Вчера уснул в 3. Встал в 12. В горы опоздал. Занялся уборкой, мытьем, стиркой. Под вечер зашли Мусик и Петя. Сходили в институт за планшетами. Я взял свой начатый рисунок с порванной бумагой и большой планшет с планом общественно-культурного центра для развертки стен в подвалах театра «Ильхом».

Жарко. Сходил за двумя бутылками вина. В магазине такой лощеный новый продавец - «хон», почти премьер-министр. Важный. Возле ресторана у пруда, как обычно стоят пьяные соседи-узбеки.

Господи, хоть бы И.В. прислал немного денег, я бы съездил к тебе в Крым к А.

Началось долгожданное вдохновение. Приезд Савицкого приободрил меня. Осталось 1,5 месяца до просмотра и если я хорошенько возьмусь за дело, удастся выбить стипендию, а это много значит. К тому же это поможет с поездкой в Крым или в Ленинград.

Мужественнее, Эдик., и серьезнее! Тебе многое дано, многое и спросится, черт побери, как говорит Саммаил из «Леверкюна»: «Вперед, Француз!».

Странно, в романах я читал, что изменяя жене, мужчина испытывает неловкость. Но даже и сейчас я вижу, что (хотя Людочка болеет), я несколько не чувствую вину. Купил себе 2-х рублевую ручку. Ею писать как-то лучше. Правду говорила мама, что лучше брать вещи дорогие, чем дешевки.

5 мая. Слушаю в миллионный раз Аллу в «Иронии» и не устаю. Такая высота и чистота чувств. С Петей работали до обеда. Продвинул развертку. Вчера выдержал до 4-х ночи, потом поставил будильник до 5-ти. Все равно не смог работать. Снится, что работаю.

Встал в половине двенадцатого. Отнес начатую работу в институт. Показал Кокоткину. Оказывается, все ждали, что я на свадьбе напьюсь, и буду буянить. Удивляются! Вот, мол, я молодец. Оскорбительное одобрение!

6 мая. Сажу за швейной машинкой у открытого окна. Изумительный, солнечный, беззаботный день. Как мало человеку, отпущено жизни и как беспечно он тратит ее на пустяки не «*momento mori*». Как у Вальехо - «Играем жизнь, не думая о славе». Чувствую, как уходит молодость, наступает иной возраст. Снятся странные сны.

Поют птицы, слышен шорох машин и «Мне нравится, что вы больны не мной»

7 мая. После приезда в Ташкент сразу поехал в ТАШМИ, к Люде. Бедная моя, милая, в палату не пустили. Она вышла, пристально посмотрела на меня, в своих черных картонных очках с маленькими узелочками. Подошла. Я обнял её, она трясется, плачет. Как у меня поднялась рука на нее!? Успокоил. Я так долго не заходил к ней. Четвертый день. Сидели на скамейке, утешилась, даже удалось рассмешить её. Е.П. Архангельская - врач, которая делала ей операцию, обещает в субботу или в пятницу выписать. Как Люда измучалась больницей. Еле терпит.

Начинается новый этап в моей жизни, оваянный ароматом нового, серьезности и веры в себя.

Сейчас ставлю перед собой цель - хорошо выставиться на просмотре и получить стипендию. Без неё туго придется. Через пару месяцев видимо перееду в мастерскую к теще. Как мне не хочется этого, но жизнь заставляет. Я не могу оставить в одиночестве Люду в таком состоянии. Я должен быть с ней.

Все больше склоняюсь к мысли, что стоит ли стать продолжателем дела музея Савицкого? Ведь этому стоит посвятить жизнь.

Как в последнее время я стал мучительно и жутко бояться смерти, становлюсь суеверен, какие-то предсмертные ощущения, сны, до предела точно рисующие мою смерть, вернее те предсмертные чувства, наподобие тех, что испытывал Ф.М. Достоевский.

Ерунда все, но я становлюсь суеверен. Ощущение безвозвратности жизни, безвозвратного ухода, без надежды на проблеск жизни, глухое безмолвие, то страшное небытие, исчезновение без возврата и без надежды на воскресение, некое темное глухое подземелье, где нет тебя, никого и никогда не будет - это невыразимо страшно. Ангелина предчувствовала смерть, она говорила об этом два раза. Или дело в роке, в готовности умереть, в безнадежности. Это двойственное чувство, единичности моего существования и ухода, оно возникло одновременно, как две грани мироощущения.

Они вошли в мою жизнь с А., и радость бытия, и боль и страх - противоположно неестественное, не поддающего разумению, бессмысленность, необъяснимая.. С ярким ощущением случайности, бренности, своеобразности, мечтательности живущего, ко мне приходит ощущение непонимание и отрицание смерти как глубины Вселенной. Мы на крошечной планете и так не вечны и почему-то озарены чувствами, разумом, который при реальном взгляде не выдерживает, как сказал Манн «Этой абаки на разум человеческий». Это просто абсурд. Случайный приход в этот мир и уход ни во что. Так близки мне Вальехо, Альберт Камю, который погиб в автомобильной катастрофе. В такие минуты нужен друг, нужна любимая. Как это можно быть одновременно несчастным и так сильно чувствовать радость.

Савицкому осталось немного, это плохо. Как я буду без него. Он сказал, что мой долг быть рядом с ним.

В самые напряженные дни я беру в руки «Леверкюна». Это книгу можно читать всю жизнь.

8 мая. Ночью трудился до изнеможения. Началась кружиться голова, разложил раскладушку, уснул. Солнечный день. Это хорошо. Ты сегодня точно получила письмо. Через 5 дней, возможно, будет ответ. Нахожусь под сильным впечатлением и обаянием Великого Тупак Амару.

5 часов вечера. Пришел из института, очень устал. Был кафедральный просмотр. Кокоткин сказал, что одобрено и возможно на практике мы будем делать все на стене. Поставили 4.

Интерьер Пети забраковали, а Чернышову понравилась моя музыкальная композиция с тамбуринами. Мне что-то она разонравилась. Решили, что я буду вести одновременно и «Ильхом»-овскую стену и новое, удивительно интересное задание - магазин детской книги. Кокоткин сказал, что сам бы с удовольствием занялся.

Так приятно смотреть на Мэй и Мусика, такая гармоничная пара. Она утром у очага готовила завтрак. Он еще спал. У нее, оказывается, вчера был приступ. Бедная Мэй. «Кокоткин передал, чтобы вы оба делали проект». (Мэй и Мусик)

Встретил Ольгу Леонидовну. Болеет астмой, климат не подходит. Была в Ялте. Поговорили. Милая женщина.

10 мая. Утром Коля уехал на работу. Я с мучительным похмельем начал прибираться в квартире. Помыл посуду, вымыл полы и т.д. Сдал 10 бутылок, шатаюсь от голода, добрел до кафе. Съел 3 самсы и стало дурно. Потом лежал дома до часу. Сходил в баню, но она закрыта.

Отвез к теще немного книг и несколько холстов. Понемногу перебираюсь. Хорошо бы разделаться с рисунком и работой в материале, освободить руки для ремонта в мастерской. Дал почитать Коле Шпенглера.

14 мая. Тяжелое моральное состояние, ощущение падения в бездну. Но все же не сижу на месте, а двигаюсь. Сегодня два раза был у Люды. Оба раза с книгами и вещами. Отвез портрет Люды на вытянутой доске. Боже, как жаль её. Но она хоть отчаянно скучает и тоскует, держит себя примерно и не распускается. Получил от Тителя на пару дней книгу о Ван Гоге. Там Е. Мурина удивительно точно и близко назвала две главы: «Человек среди людей», «Поклонник Будды». Это определяет мое теперешнее мироощущение, черт побери.

19 мая. Основательно отдохнув, стою перед работой. А в среду выпил 3 бутылки сухого с Гришей. Сначала в обед вместе с Саней Курганцевым около магазина в виноградной беседке, возле большого дома. Говорили о Ленинградской блокаде, войне. Потом, после показа диапозитивов с картин Сальвадора Дали в нашей мастерской - интерьерской. Потом у него дома. А дальше такая смертная тоска напала на меня, когда я пришел к себе домой, что я чуть не ревел и не смог усидеть дома, поехал утешаться и забываться вином к Коле. Сейчас хорошо, пусто и светло на сердце и во всем существе моем.

Посмотрел отличный психологичный фильм о человечности, жизни, вторую серию «Фотографий на стене». О судьбе человеческой. Марина Неелова держит, выносит весь фильм на себе, придает ему звучание и высоту накала чувств. Это великая актриса – как Анна Маньяни. Какая трагическая игра. Она чем-то напомнила Стрепетову - портрета Ярошенко, когда я смотрел его во второй раз, сегодня утром. Не думаю ни о чем, ничего не жду, а спокойно смотрю в будущее. Читал «Воспоминания участников гражданской войны», «Филиппинские мифы», журнала и газеты, а под конец взялся за поздние дневники Л. Толстого. Какой мученик и мятущаяся, противоречивая и вместе с тем трагическая душа. Наш препод-эстетик говорил, что, мол, Толстой велик осуждением самодержавия и ничтожен, как непротивленец (в идейном смысле, что убог как заблуждающийся). Так вот, я думаю, что ошибки таких титанов духовных, несут на себе остатки их космического величия, мощи и трагизма. Очень интересны его мысли о смерти, мужественные, простые, как хлеб.

С Гришей поехали на вокзал, в книжный магазин. Говорили, что там есть полная книга о Леонардо за 20 рублей. Оказалось, что закончились, к моему огорчению. Увидел там отличные, большие монографии о Ленсе, Модильяни, Ван Донгене, Беккмане и других за 75 р. И хороший альбом Сезанна за 50. Лотрек, небольшая книга за 26. С горя купил

Пикассо «Графика» за 13 и занял 13 Грише. И очень рад. У меня будет хоть одна книга о Пикассо для начала.

Я делаю глупости, ошибки, за которые стыдно потом. Единственное утешение, что это все лучше, чем быть скучным.

По-видимому, когда-нибудь я перечту эти дневники и буду поражен бездной своей глупости и всяческих заблуждений. Но эти дневники предназначаются сугубо для меня одного, в крайнем случае, Люде можно читать и только.

Я много рефлексирую по поводу себя. Хотя надо бы быть более уверенным в своих воззрениях. (Убеждения предполагают уверенность)

24 мая. « Не создается пейзаж, марина, лицо, создается впечатление от времени дня, пейзажа, Марины, лица». Э. Мане

«Все что глубоко, любит маску». Н.

«Мои рисунки должны вдохновлять, а не определять. Они ничего не устанавливают. Они переносят нас, как и музыка, в зыбкий мир неопределенного ... Они являются своего рода метафорой». Одилон Роден

«Подумайте также о музыкальном аспекте, который в современной живописи отныне будет принадлежать цвету. Цвет, имеющий такие же вибрации, как музыка, обладает способностью достигнуть того самого общего, и, стало быть самого смутного, что заложено в природе - её внутренней силы». Гоген к Андре Фонтана

25 мая. 12 часов дня. Встал. Поспал 6 часов. Теперь принимаюсь за английский. Разбудили махаллинские рабочие, которые расчищают арык к пруду чайханы. Все хорошо. Сегодня пятница и пора приниматься за дело. Снились снега, холод, купания в ледяной воде, женщины на пляже и т.д. Я обнаженный.

26 мая. Второй час ночи. Глаза устают. Еще необозримое море перевода. Решил передохнуть. Развесил старые работы, нашел замотанными в сарае. Неплохо и смело я писал 2 года назад. Лучше теперешних пастелей и т.д.

«Жизнь личности начинается с разрыва с окружающей средой и концентраций вокруг собственного очага». Мунье

27 мая. Проспал 16 часов. Тяжелая голова. Еду в музей Искусств. Там сегодня Булкина читает лекцию о русском искусстве. Снилось такая ерунда: 30-е годы, басмачи, горы, тракторы и т.д.

17 июня. 4 дня. Сдал просмотр. Рисунок-4. Живопись-4, Проект-4, Работа в материале - 2 Чернышев похвалил живопись – сказал «Мощно». Можно считать, что я на 4 курсе.

20 июня. 2 дня спал плохо, бессонница, фонарь яркий на улице, ночь. Встал, однако, в 9. Поехали с Людой в город. Я сошел около ДК обувщиков. Мусик спал, я разбудил его. Зашла Майя с бутузом. Передал от Люды ей привет. Пошли в институт. По дороге весело беседовали и смеялись, вспоминая позавчерашнюю грандиозную попойку и так беседуя, дошли до магазина. У дверей по одну сторону сидела старуха с пивом на мусорной тумбе, а с другой - магазинщик с красным лицом. Выпили, пиво свежее, но теплое.

Читаю «Волк среди волков» и «Авеню». На улице увидел Гришу Капцана, спускающегося с велосипедом. Отдал ему Достоевского и сутры о Будде. По дороге купил масло хлопковое и хлеб.

А.С. сказал кому-то чтобы Капцан и Лукьянов не приходили к нему домой. «А Эдик и так придет - хоть запрещай ему, не запрещай». Начал читать Японца, изумительные рассказы. Жалостливые, простые, проникнутые симпатией к простым, униженным людям.

Хорошо, что сегодня с утра сходил в институт. Увидел многих. Сны снятся яркие, ярче жизни. И душевный покой.

Кокоткин смеется – «Эдик вернется в сентябре».

Вчера пришла мысль, что я безнадежно погибаю, и если не остановиться - будет поздно. Неясные предчувствия беды от безмерного эгоизма. Петя, бедняга, не знает - куда себя деть, ему тяжело в семье и когда мы все встречаемся, мы чувствуем себя лучше, как дети мы тянемся друг к другу, ища поддержки, и видимо находим её. Жаль Люду - я ее мучаю.

Завтра начнем с Мусиком работать. Кокоткин разочарован в Капцане и Лукиче.

21 июня. Дочитал японские рассказы Симидзу. Сегодня начал писать интерьер акварелью. И приготовился работать маслом. Мусик говорит, что Женя с Мариной приступили уже к практике.

22 июня. Сегодня опять поработал фломастерами. У меня их 19 штук. Надо бы купить еще цветные карандаши. Просматривал книгу профессора Киплина.

Какое все-таки может иметь влияние на всю жизнь какая-нибудь мелочь, какая-нибудь ошибка! Вспоминаю, что об этом говорил И.В. - «В жизни все важно, любая мелочь, кажущаяся ею поначалу».

Видел хорошие чешские фломастеры за 10 рублей, отдает за 9-80. Будут деньги - надо взять 12 цветов. Очень хорошие, фломастеры квадратной формы.

Вечер. Приехала Н.И. Читает Достоевского. Сумерки. На улице гомон детей. Отдал Н.И. книгу рассказов Симидзу.

23 июня. После полуночи дочитал и сделал выписки из «Писсарро». Писсарро был честным человеком. Внимательно изучаю репродукции. Жаль, мало цветных.

Люда днем читала братьев Гонкур. Все удивлялась нравом и обычаям французов.

Вечером порисовал фломастерами и продолжил натюрморт акварелью.

Жарко. Ехал в трамвае. Город выбелен солнцем. Темная однообразная листва.

Думаю написать рассказ «Бабочка на асфальте». Какой-нибудь совершенно отвлеченный случай и взгляд на него бабочки, трепыхающейся на асфальте. Сходил на базар, купил линейку, которую просил себе оставить. 1,40 руб.

Посмотрел внимательно книгу о Гогене. Итальянскую. Прекрасный колорит и проработанные вещи. Просмотрел толстенный том Гулиа. Какая пошлятина, все скрипят зубами, падают в обморок, как марионетки.

24 июня. Решил уехать в Нукус. Надо зарабатывать, сменить обстановку и начать работать, здесь не могу.

25 июня 1980. Завтра сходить в музей и поделаться зарисовки в городе. Потом дома почитать и пописать акварелью. Понемногу захожу в ритм жизни и работы. Ничего не дается очень быстро и моментально. Жизнь сильнее наших выдумок. Начал читать «Комиссию». Хорошо провели вечер у телевизора втроем с Н.И. Начал делать наброски шариковой ручкой. Дисциплинирует и дает большие возможности. Пробовать себя в разных материалах.

26 июня 1980 (четверг). Поехал утром в музей. Раздумал и вернулся. На обратном пути встретил Муниру. Потом выпил 4 кружки отличного пива. Вернулся домой, включил TV. Стихи «К Лауре». Думал, что можно съездить в Бухару и Хиву. Поработать в районах. Ночью чуть не раздумал ехать.

28 июня 1980 (суббота). Люда все болеет. Положил на спину горчичники. Закапал ей нос. Легла спать. Утром надо Люде достать молоко и давать ей с маслом и медом. Говорит, болит горло. Днем будет дома. А то еще хуже расхворается. Вчера говорили с хозяйкой, Надеждой Ивановной, о том, что хорошо бы сделать рамы для моих бешагачских этюдов.

7 августа 1980 г. Сходил в нукусское ГАИ к Алламурату, застали его у поста на Турткульском шоссе. Попросил вызволить музейную «Ниссу» со штрафстоянки. В Музее работают два брата татарина. Один шофером, другой неизвестно кем. Машину он бросил сам и убежал, пьяный.

В музее перенесли часть скульптур в зал Тансыкбаева. Эльмира приехала из Ташкента. Жолдасбек спрашивал, не ходил ли я к Музаффару.

Савицкого вызывает министр в связи с татарской декадой в Нукусе.

Савицкий дерет с меня три шкуры. Если он не обеспечит квартирой и заработком я в Нукусе не вернусь. Надоело целыми днями бессмысленно ходить по городу, взваливая на себя всякие ненужные заботы, мелочные услуги неизвестно кому. Иногда охватывает слепая ярость и гнев.

11 августа 1980 г. Заходил Рустам, звать завтра в музей перетаскивать огромные деревянные скульптуры. Идеал моей жизни – жизнь Барлаха, Мунка. Одиночество, труд, творчество и к этому я изо всех сил буду стремиться.

Семейная жизнь оказалось неудачной, но буду иметь свой дом и работать. Покой и труд. Как трудился Вермеер Дельфтский, Рембрандт. Ограничить себя в четкие рамки и не выходя за них – творить.

12 августа 1980 г. Одинок и странно спокоен. Полный разлад с миром людей. К этому все шло. Надеюсь утрясти свою жизнь. Спокойствие и мужество, вот что мне требуется и жизнь войдет в свои рамки.

День прошел бесследно и угас незаметно в долгом закате и сумерках. Далеко лают собаки, смутный гул города. Квартира Савицкого, я сижу на диване перед журнальным столиком с газетами, и всякой мелочью.

«Грусть» Гарднера. Великий Эррол. Давно уже, неделю не был дома и никого не видел. И никто не появляется на моем горизонте. Обижены все и оскорблены. Я отвержен ими после избиения Люды. Изменить ничего я не могу, пусть все остается как есть. Жизнь покажет, что дальше будет.

Единственное жаль, что я незаслуженно и очень жестоко обидел, оскорбил Арслана. Он не заслуживал такого подлого и жестокого удара в спину. И какое я имел право, после всего, что он сделал для меня, как помогал деньгами все эти годы – так поступать с ним. Я знаю, что нанес ему непоправимую душевную травму и боль и что он очень страдает. Он святой человек, несущий такое бремя семьи, как смел я сказать ему такое. Очень мучительно я живу и во всем повинна эта сволочь. Из-за нее обо мне сложилось нехорошее мнение как об изверге и недостойном человеке. Как подумаю обо всем, охватывает печаль и безнадежность, словно мне никогда не обрести уже ясность и чистоту Духа и жизни, жизнерадостность и душевный покой. Боже мой, как я устал. За последние 2 дня совсем не рисовал, не тянет. Как жить дальше или помереть что ли. Спокойнее, спокойнее, не забывать, что «И это пройдет».

13 августа 1980 г. Поспешил к Алексею. Встретила его мать, кликнула Алексея, спросила о Савицком, я вошел в комнату к Алексею, он выходил оттуда с сигаретами в руках. Долго сидели до 6 часов, курили, пили 95-ый чай, говорили об Альвине - он с ненавистью, я равнодушно. Пожаловался ему на свои дела. Он посоветовал обратиться к Игорю. Если

тот не поможет «Кричи караул». Посмотрел мои рисунки. Некоторые отметил, похвалил. Два рисунка: автопортрет и портрет девочки подарил ему.

14 августа 1980 г. Не спал всю ночь. Уже рассвело, восемь утра. Ночью стирал, рисовал. Слушал музыку, смотрел TV, читал об экзистенциализме. Занимался гантелями. Устал. Шаги на лестнице, голоса мусорщиков, шум машины, самолетов. Утром крики петухов медленный и мучительный рассвет, синева за окном, темные кроны деревьев, белые стены домов, прохладный утренний ветерок, проходит лето, август, время проходит, проходит все, и я несусь влекомый потоком времени и нет сил остановиться, опомниться и спросить себя, когда же я, наконец, достигну покоя, гармонии и примиренности с собой. Одиночество, безденежье, нечего курить, всю ночь мучился с отвратительными окурками в пепле, будущее неясно и вообще неизвестно, как жить дальше и что делать.

Хочу в Ташкент, через две недели уеду. Пора. Не думаю, что там начнется какая-то другая жизнь. Это спокойный и плавный переход в ту же жизнь и продолжение ее. Затосковал по Ташкенту, по Кокоткину, Коле, пиву, всему. Кажется, я исчерпал себя в Нукусе и делать мне здесь делать больше нечего, я очень устал от себя и, возможно, надо скорее переменить обстановку. Но надо все же дождаться Савицкого.

Днем рассматривал прекрасные картины Ульянова. Какой классицизм, сдержанность, какая сила духа, напряженного как сталь, чистого и гордого. Поразил меня пейзаж с коричневым домом, деревом и потрясающе синим небом.

Закончил папку с эскизами, вложил новый блок бумаги, неплохо бы сходить, порисовать улицы Нукуса и окрестности, деревья. Ничего не пишу, только рисую. Сознательно себя сдерживаю от живописи.

Конечно, я сам понимаю, что такая жизнь не может долго продолжаться. Обязательно вскоре навалится новая беда и кончится мой покой, я это предвижу. После всех моих невзгод, я привык не доверять спокойствию. И опасаться взрывов быта, так поганящих мою жизнь, которую я не могу наладить должным образом и так, чтобы меня ничто не отвлекало.

15 августа 1980 г. Пошел в музей. Узнал, что Игорь Витальевич приезжает 20-го, он потерял билет. Игорю не хватило времени на дела в Москве и он схитрил – якобы «потерял билет».

У Куляш занял 20 копеек. В понедельник приедет груз. Альвина просила перетянуть работы Жолткевич.

Купил пачку «Астры» на те 20 копеек. Пришел домой, грусть. Где то на улице плачет ребенок, бабы клеят этикетки наверху в канцелярии, сидят и судачат. Максет с Альвиной делают рамы.

Осталось две недели, тишина в квартире и запустение, кончилась шариковая паста, в магазинах нет и не на что купить. Перед сном, утром читал изумительные газели Саади. Снилось множество замысловатых слов. С ностальгией вспоминаю экспедиции прошлого лета, прекрасное время, покой, жареная рыба, болезнь, водка, книги, Басё и мою воодушевленность.

Неудачное выдалось это лето. На редкость глупые метания между Ташкентом и Нукусом. И пошлые семейно-бытовые скандалы. Я попал в семейный капкан и не могу вырваться. Отвратительно и мерзко все на свете. Сижу без гроша вот уже неделю, без курева. Я вырвусь, обещаю себе, чего бы мне не стоило, из этой отвратительно западни, куда меня заманила эта потаскуха-жизнь.

16 августа 1980 г. Утро. Грохот самолетов. Взошло солнце. Померкли звезды, недолго мерцали в густой прохладной синеве. Дочитал книгу несравненного Перрюшо о Винсенте.

Прекрасная книга, умная глубокая, полная грусти и высокого значения. После стольких лет забвения, через 10 лет, я опять вернулся к Ван Гогу. Я понял, что он навсегда, пока я жив, будет жить во мне. Поражает магическая, беспредельная сила, свобода живописи, легкость, какой он достиг ценой чудовищных усилий, потеряв Душу, разум, жизнь. Беспредельное, волшебное, магическое умение. Живопись гениальная, нет ничего равного ей. Когда-то я переписал в 20 тетрадях все его письма или почти все. Переписывал около года. Книга Перрюшо похожа на евангелие, писание. Сама жизнь Винсента, нечто глубоко таинственное и всего не выразишь словами.

Проснулся от галлюцинации звонка. Оделся, открыл дверь – никого. Час дня, не выспался. Ложился, курил, старался уснуть. Не удается. Встал. Включил в полную мощь пластинку Паниной.

День. По телевизору шизоидная мура для детей. Заходила сука соседка, вопрошающе бегающие глазенки, только предлог посмотреть, кто же живет у Савицкого, зуд бабского любопытства. Снилось какая-то чепуха.

Ничего, все в порядке, человеку нужна разрядка, психическая, вроде музыки, истерики, крика.

Вспоминаю Кокоткина, как он помогал мне в ночь перед просмотром развешивать картины. Я тогда не спал уже вторые сутки. Мне нужно всегда работать, как говорится, на полную катушку и не жалеть себя. Только не жалея себя, будучи беспомощным к себе можно добиться великого искусства.

Кончаются сигареты, надо бы сходить к кому то за деньгами. Иногда случаются такие ужасные периоды полного безденежья. Одиночество и нищета – это ужасно. Слушать же хорошую музыку прелестно. Ничего, я скоро перемену обстановку и уеду далеко, далеко отсюда и навсегда. Импровизация, видимо подлинное, истинное искусство, не приближаясь к реальности, всегда остается самим собой, искусной импровизацией, божественной легкостью выражения, непринужденности и свободной игры, с глубоко ироничным блеском.

Жизни всех людей чем-то похожи друг на друга. Есть нечто общее во всех чувствах, переживаниях, трудностях, быте существования всех людей. Я все больше убеждаюсь в этом. И если я не могу найти общий язык с окружающими меня людьми и уединяюсь в себе и в этом повинно мои ожидания, превышающие среднечеловеческие.

17 августа 1980 г. Безлюдное, раскаленное, жаркое пекло. С базара идут люди. Мальчик на повозке с мешками дынь, везет осел, отец идет за ним следом, в пыльной рубашке, весь почерневший, изможденный.

Проснулся в два дня. Мать уехала, Люда спряталась от меня у Арслана. Отец тоже там - обедают. Я взял ключ и дома накинулся на салат, паштет, чай, лепешки, чеснок с солью. Потом Мира принесла тарелку голубцов. Пришел отец. Смотрел фильм о Толстом, его уходе, пили чай, беседовали. Пока было светло, смотрел книги, отобрал Л. Толстого, 3-ий том. Еще рассказы Моэма, философии Асмуса, японскую литературу 16-19 веков, Ван Вэя, Московских живописцев и историю искусств 19 века.

Поздно ночью отец высказал мне, что думает обо мне и моем инциденте с Людой, но мягко. Мать сказала ему - «Эдик высказал свое отношение ко мне. Жестокий». Мама делал вид, что хотела вызвать милицию эксперта для оценки травм, Люда отговорила. Ее точка зрения: «Жить с ним не буду после этого. У меня есть ребенок, я буду жить ради него всю оставшуюся жизнь, не надо его сажать». Отец: «Ты прошел бы 7 кругов ада, целых 2 года сидел без дела». У меня непомерные притязания на жизнь, но жизнь все поставит на место, всех ставила, никто не избежал.

Арслан быстро достал бодягу, Люду видел - следы побоев сошли или почти. Но нужна еще неделя. Она просила Арслана взять билет в Ташкент.

Отец сказал, что дальнейшая моя жизнь будет невыносима, что я эгоцентрист и считаю себя центром мира, поэтому все отвернулись от меня. Люда всё рассказала им обо мне, что она знала, как я жил в Ташкенте, как меня били пьяного, как я не ладил с друзьями.

Я должен изменить себя. Никого не обижать и не оскорблять, не бить тем более. Быть молчаливым и жить осторожней, не пускать в свой мир никого. Одиноко и самостоятельно жить. С Людой разойтись раз и навсегда и лавировать, постараться свести к минимуму неприятности, которые она принесла мне и может принести, если какие последуют события после Нукусского инцидента и после окончательного разрыва в Ташкенте.

В глазах панический страх и я не знаю как мне жить. Устал, болят глаза, спать.

Поругался с отцом и Арсланом. Все - конец с ними, только я один на свете. Арслан попрекнул хлебом матери. Этого не прощу, так казахи не поступали, никогда не поступали. Люде сказал, что я за два года должен был платить по 50 рублей алиментов, то есть 1200 рублей я должен. Отдам и разведусь. Устал я безумно, совершенно нет сил. Хотел повеситься, но страшно.

20 августа 1980 г. В два часа дня разбудила дочка Зои со старухой. Она сказала: «Иди срочно в Музей, приехал Савицкий, он тебя зовет». «Он точно приехал?». «Да». «Ты, сама видела?» «Видела».

Быстро умылся и в музей. Он расхаживает по залам. Объяснил ему, почему мы не встретили. Оказалось, что он сам перепутал рейсы. До восьми работали в экспозиции. Переставляли скульптуры и вешали на стены те из них, которые настенные. Пили прелестный индийский чай с мясными консервами, потом распаковывали ящики со скульптурами. После восьми пошли на той к художнику Бакбергену на ул. Правды, 30. Никого из гостей не застали и удачно ушли. По дороге он расспрашивал меня об отношениях с женой. Взял к себе. Ночевал в меньшей комнате у него.

21 августа 1980 г. В музее распаковывал книги. Сколачивал ящики и оформлял скульптуры. В 11 часов в кинотеатре было открытие татарской выставки.

Звонила Ира и приходила в музей. Простужена, на высоких копытцах, платье с разрезом, чувственные груди. В воскресенье едем на раскопки, на один день. Возможно, поедут Ира и Алексей Квон. Игорь поручил прийти к нему вечером. День жаркий, но ветреный. Ночью была буря.

Игорь немного ворчит, но я стараюсь не обращать внимания. Спрашивал о моих отношениях с родственниками, я сказал, что поссорился и что домой не хожу.

Ночью долго не спалось, думал о многом. И, наконец, под утро забылся глубоким сном без сновидений.

23 августа 1980 г. Пятница. Проснулся в 8 часов. Встал. Прохладный воздух – но больно набирать полную грудь вдоха. Ветер. Выбросил мусор. Пришел Игорь, торопит, чтобы я мылся быстрее и ел. Бегом в музей. Закрыли окна, заложили фанерой. Потом стали вешать листы. Пришел Рустам, Альвина. Еле управились.

Смотрел живопись и фотографии, угадывая людей по портретам. Потом смотрели прекрасные работы М. Соколова, Тарасова и других. Игорь показывал их приезжим из Москвы врачам. Муж, жена и двое детей. «Охи, ахи, злодей, прекрасно» - какие только эпитеты не произносились

Савицкий сказал: «Ты бабник, но, наверное, с женщинами тороплив и нетерпелив, тыркпырк и подавай тебе все сразу, не хватает терпения». Соседи ему доложили.

В 5 часов прошел по базару, в канцтоварах купил рисовальную доску и 2 блокнота для рисования. Повстречал Свету и Галу. Взял у них ключ от музея. Савицкого еще нет. Он уехал на Джампык. Сумерки, стемнело. Вчера вечером Савицкий слушал Панину, понравилось. Проигрыватель в большой комнате. Как пластичен Модильяни. Скорее бы в Ташкент.

Кажется, дома у родителей не был целую вечность и не иду. Хотел в кино, чешское, но не пошел, опасаясь, как бы не подвести с ключом Савицкого. Ну, да ничего, я прекрасно провел время с мировыми журналами и книгами.

24 августа 1980 г. С утра до обеда показывали с Игорем графику академику Ефуни с его семьей. Смотрели Курзина, Тансыкбаева, Н. Соколова, Шагала, Денисова (модерн). В час за ними пришла машина и они уехали. Я сложил все обратно в ящики.

Ездил в Ташауз с Савицким, был Рустам и шофер Ислам. Пили пиво в Ташаузе, покупали хозяйственные товары. Я купил 3 мешка на холст для живописи. Три бутылки разного светлого сухача, делал наброски. Вечерет. Приехали в Нукус. С Игорем выпили по пиале разбавленного сухого вина. Итого я занял в Ташаузе у Игоря 42 рубля.

Потрясающе красивая природа, туркменские девушки в длинных платьях. Плоская самса и холодная газированная вода. Очень красива и огромна наша страна. Пыль. Усталость, болят глаза, шея, избыток впечатлений, мчались на машине.

27 августа 1980 г. Утро. Ночью проснулся - ослепительная желтая огромная луна на небе. Вчера перед сном Игорь смотрел мои рисунки и кое-что отобрал в музей.

Вечер. Тоскливо, душно, было собрание в музее, я рисовал. Сходили с Игорем на базар. Купили 22 метра холста, перец, тыквы. Игорь говорил о пире во время чумы (декада татарского искусства), о роскошной жизни начальников, о народе, о том, что многие люди работают не по специальности, а лишь бы избежать физического труда.

Был у Алексея, ели, беседовали.

28 августа 1980 г. Встал. Разбудили гудки машин. Игоря нет, ушел в музей закрывать окна. Хорошо выспался, выпил капельку разбавленного вина. Вчера поздно вечером ходили в музей открывать окна. Долго стояли в зале древней керамики. Меня поразил старинный глиняный светильник с лощенной от пальцев ручкой.

Распаковывал и перебрасывал наверх картины. Вечер. Устал. Вечером выпили с Игорем разбавленного вина. Делал наброски.

До обеда разбираю графику с Альвиной. Сходил на базар, поел пирожков. Потом пришел обедать. Делал наброски, Савицкий обещал 45 рублей за старые работы, остальное потом. Сегодня среда, через 2 дня, я в Ташкенте.

29 августа 1980 г. Проснулся. Лужи. Прошел дождь. Неожиданность. И радость. Облака. Рев самолета.

Игорь с Жолдасбеком обсуждал Кашину.

Базар. Пасмурно. Столпотворение людей, красавицы-девушки и толстозадые женщины, дети с мороженым.

До обеда перетаскивал наверх картины. Смотрел каталоги. Работы А. Волкова прекрасны. Тяжелое свинцовое небо. Рисовал муляжи и наброски.

Савицкий выбил 150-200 тысяч рублей для приобретений.

Красивая погода, прохладно. Изредка накрапывает дождь. Света сказала, что у меня всегда усталый вид. Девушки вообще не работают, болтают, пьют чай. Голоса тонкие и красивые. Щебечут.

31 августа 1980 г. Воскресенье. Вечер. Был бурный день. Устал. С утра поехали на Джампык. Только вернулись. У Рустика болит нога. Ездили я, Савицкий, Ислам. Было прохладно, очень красивые пейзажи и родная крепость.

Умылся, прибрался, постирал вещи. Игорь лежит, смотрит ТВ в соседней комнате. Делал наброски. В Нукус приехали на закате. Раскопки были планомерные и удачные. Впервые использовали тачку для вывоза земли. Хорошо ели, было вкусно. Выпил глоток вина. Через 5 дней, я буду в Ташкенте, где не был 2 месяца. Жаль покидать Нукус, я привык к нему. Слушали Джо Дассена.

1 сентября 1980 г. Снились сны об учебе. Ночью, под утро стало холодно, укрылся халатом. Наступила осень. Дети идут в школу. Игорь разбудил: «Эдик вставай, уже 9-й час».

Обед. Казашка завита и красиво одета, на лице незаметны морщины. Видел красивую даму. Перебирал картины. Миша Антонов помогал, у Игоря истерическое настроение.

2 сентября 1980 г. Вечер. Догорает закат. Разбирали графику, смертельно устал. Гала привела прелестную дочку с востренькими зубками. Рисовал наброски. Темп Савицкого тяжеловат для меня. С его приезда меня подхватил вихрь дел. Это человек, у которого нет и не осталось ничего лишнего. Рустам уехал к Неразик на раскопки.

3 сентября 1980 г. Проснулся. Радостно. Яркое солнечное утро. Спал крепко, без снов.

День необычный и бурный. С утра плохое настроение, вечером нечто истерическое. Приехали гости. Игорю пришлось их вести домой. Мужчина со знакомым лицом, фотограф и помощница. Роскошная, дебелая дама, с мощным крупом, тонкой талией. Милое лицо. Зад круглый, обтянут красивым платьем. Приехали из Ташкента снимать А. Волкова для альбома.

Сидели с Галой в сумерках уже в канцелярии. Она сказала, что не спала из-за сплетен родственников. Она разошлась с мужем и ушла к матери с 2 детьми. Десять лет как нечего вспомнить, как сон, ничего хорошего. Муж просит: «Разве ты не помнишь, вспомни». Мальчику 10 лет. Учится в школе Пушкина.

- Гала - «Жалко мне его (мужа)».
- Я - Никогда не поддавайся жалости.
- Гала - Не знаю, что делать.
- Я - Все обойдется.
- Гала - Родственники придумали сплетню, что я куда-то ездила с 5-ю мужчинами. Это грязно.
- Я – Я тоже развожусь с женой, но она беременна.
- Гала - Я стала суеверна. Ночью кошки ходили. Желтая и черная, дверь на балкон была открыта. Я не хочу выходить опять замуж. Разве нельзя жить без мужа.
- Я - Можно, но трудно.
- Гала - Он (муж) считает, что в нем погиб художник (с иронией).
- Я - Он тоже казах.
- Гала - Вы сегодня не в настроении.

- Я - Да, устал и не выспался, не выдерживаю темпа жизни Савицкого.
- Гала – Наверное, с ним очень тяжело.
- Я - Да, всегда надо быть настороже, чтобы чем-нибудь не обидеть его или что-то в этом духе.

Далекий ее пра-пра-прадед - татарин, бежавший с семьей в казахские степи. Его казахи просили остаться при условии, что он женится на казашке и его дочери выйдут замуж за казахов. Так и случилось.

Пришел Савицкий и сидел как бы обалдевший. Я спросил его: «Ну, как Игорь Витальевич, удачно?» Он стал рассказывать. Потом пришел Оскар, фотограф. И позже мы вчетвером: я, Игорь Витальевич, фотограф и его дама, пошли домой.

Пили чай, ели пересоленную кашу, смотрели TV, беседовали о музее, о культуре, о Польше, о продуктах, о старой Москве, о частных коллекционерах. Игорь Витальевич много рассказывал о прошлом, о нэповских пирожках, о том, как с мамой жили они на рубль в день и поездка на трамвае уже пробивала брешь в бюджете. О красоте пустыни, замков, крепостей, мареве, одиночестве, о желании глотка холодного шампанского в, когда в пустыне и жарко. Игорь был в настроении, говорил много. Понимающе слушала дама, фотограф больше сдержанно молчал.

- Альвина – «Алексей (Квон) загубил свои способности».
- Я – «Я люблю его и прощаю ему все, он мой друг».

Ночь. Игоря проводил в музей, он там остался. Открыли окна, я курил, он позвал меня, Просмотрел «Muveszet». Савицкий говорил о музыке, об искусстве, об уничтожении культуры, о современности. И спать что-то расхотелось. Столько впечатлений.

Савицкий – «И вправду сон подобен смерти на время. Не знаю, не на кого оставить музей, если умру». Я – «Это будет трагично».

Люблю Савицкого и больно за него, не знаю - как я буду без него, если он умрет.

4 сентября 1980 г. До обеда работал с фотографом. Снимал картины Волкова. Какой-то старик принес пояс серебряный. Хотел 1000 рублей. Гала хороша. Звонила мама, беспокоилась. Арслан очень переживает за мою ссору с родственниками. Вечером обещал зайти.

Ходил к Алексею домой, он просил о помощи Савицкого. Алексей вспоминает о прошлом, рисует лошадей, стариков. Я подбадриваю. Рисовал Алексея, все не могу схватить характер.

Уехали фотографы, проводил их. Гала была после обеда в красивом полупрозрачном платье с красными, белыми розами, чудно. Был ее сын Оскар, показал ему часть музея.

Грустно покидать Нукус, очень маму жалко. Книги и проигрыватель отдал Арслану. Ольга купала Лизу.

Сумерки в Нукусе. Тоска и грусть. В музее работал в экспозиции. Приходил полный Ищанов. Гала прекрасна. Я рисовал ее. Она хорошо ко мне относится.

Пошел к маме, поцеловал, она укоризненно в шутку меня шлепнула. Мама перенесла 2 приступа. У отчима вид довольный и цветущий, помолодел. Мира обняла изо всех сил и поцеловала меня. Милая, последняя дочка мамы.

Ходил открывать окна музея. Максет пьяный с друзьями. В музее хаос. Савицкий опять спросил о семье. На ответ промолчал, все понятно – он меня не оставит. Говорил об

Алексее, об его одиночестве. Игорь сказал, чтобы я завтра пошел к Квону, отобрал рисунки и пришел с ним в музей, а то через год может быть поздно.

Нукус прекрасен, как сказка и роман. Марево заката. Пыль, деревья, дети грязные, чумазые и милые с колясками и верхом на велосипедах. Маме сказал, что Савицкий будет высылать мне деньги в Ташкент.

Я все острее ощущаю природу, деревья, красоту людей, женщин, листьев и отвлекся от грязи житейской. Но грубо разговаривал с мамой, надо ее утешить и поправить ошибку.

5 сентября 1980 г. Попрощался с Галой, Альвиной, Эльмирой, и двумя Светами.

С утра был у Алексея. Привел его к Савицкому. Потом мы пошли в музей. Забыли закупить наши работы. Савицкий напомнил – сделать это завтра.

Прощай, Нукус, милый городишко. Выпил полкружки водки, закусил помидором, холодным и соленым, занюхал хлебом. И в животе разлилась теплота.

9 сентября 1980 г. Вторник. В Ташкенте у Коли в компании трех девушек. Утро. Болит глаз, все лицо разбито. Повязка с бодягой. В субботу ночью после дня рождения у Тони, шел домой и кто-то меня ударил сапогом. Третий день отлеживаюсь у Коли в безумной обстановке. Видел Мусика, Кокоткина, но Капцана не застал. Такое шокирующее вступление в Ташкентскую жизнь. Свои так не избивали бы, это видимо чужие.

Целый день один дома. Завтракал сосисками, слушал музыку. Делал наброски, спал, лечился, клеил репродукции. Читал рассказы Герцена, пил сухое вино, бил мух, гонял их из дома.

10 сентября 1980 г. Среда. Звонил в Нукус. «Старик» уехал в экспедицию. Обещал числа 16-го приехать в Ташкент и зайти ко мне.

Мусик был у Кокоткина, искал меня. Кокоткин спросил обо мне – «Что, еще не приехал «величайший»?».

14 сентября 1980 г. Очень трудные дни. Сумерки у Надежды Ивановны. Ее гости поют старые песни. Утром второй раз ночевал у Кокоткина.

Дома умылся, побрился и лицо стало похоже на человеческое.

Мать Мусика изумительна.

Пошли в институт. Там мы повстречали Женю, я поцеловал ее. Видел Серегу Иванова, Макарика. С Кокоткиным пошли к Мусику, попили чай. Я делал наброски. А.С. в два часа ушел на кафедру, а мы поели пельмени. Потом Майя с Мусиком меня коротко подстригли. Пошли в институт. Пошел обратно домой к Мусику, он остался в институте. Умылся, переделался в его белую рубашку, мою грязную Майя оставила постирать.

Н.И. обещала квартиру у Вали, за 40 рублей, при условии, если я сразу заплачу за 5 месяцев – 200 рублей. Это было бы здорово, на ул. Мичурина, на Тезиковке. Дай Бог, боюсь надеяться.

Стипендии не было. Наши сегодня ходили в РНГБ. В среду просмотр, надо делать плакат. Дни жаркие, но хожу в костюме.

30 октября 1980 г. С 17-го в Ташкенте. Квартиры еще не нашел. Ночую - где попало. У Мусика, у Гака, у Люды. Немного прихожу в себя и успокаиваюсь от чрезмерной эмоциональности.

Сегодня был просмотр кафедральный. Вечером пили пиво с Мусиком, Гаком, Андреем, Петей у нашего магазина, глазели на девочек.

Заходил Савицкий. Завтра встречаемся у Торгового центра. Немного рисовал.

5 ноября 1980 г. Работаю по-прежнему в сарае. Потому что приехал с хлопка С. Был на выставке в «Ильхоме». Была Даватц и Снегирев, москвич после Ферганы. Живопись с тщательно сделанной фактурой, мне глубоко чуждая, вымученная, изломанная и болезненная. Влияние немецких экспрессионистов, Волкова, Пикассо. Мне больше по душе хорошее знание старых мастеров. В институте был просмотр, не ходил. Купил 4 пачки акварели по 75 копеек. Бутылку «Абу Симбела» и «Варны». Писал маслом. Глаза красные. День был хмурый, но едва пролилось несколько капель дождя.

11 ноября 1980 г. Закончил работу в Ташкенте. Около 60 холстов и картона - за 3 недели и около сотни рисунков. Люда расстроена, что я намерен уехать в Нукус. Живописью я доволен, начал что-то нащупывать свое. День солнечный. Бросаю институт и уезду в Нукус. Все хорошо. Я делаю правильно.

19 или 20 ноября 1980 г. Сегодня привез картину Волкова «Бойцы-туркестанцы, на строительстве железной дороги» - размер 205X155 домой из дирекции выставок и панорам. Вечером в 6 часов заехал к Дамиру (Рузыбаеву). Завтра привезу 3 работы Снегирева, «Святая землица», «Люда», и «Уголок прошлого», небольшой портрет Ленина работы Волкова. Все надо везти в Нукус.

Нукус. 26 ноября. Вчера поздно вечером приехал на поезде в Нукус. Здесь холодно, гораздо холоднее, чем в Ташкенте. Хорошо, что Люда положила в чемодан зеленое пальто. Без него просто невозможно было бы. Моросит дождь, очень зябко и неудобно. Неприветливо встречает меня Нукус. Вечером вчера стучался к Савицкому, хотел оставить картины Снегирева, но никто не открыл. Тогда я пошел к матери.

Стоял на углу дороги и тормозил машины, но ни одна не остановилась. Я потащился пешком. Еле дошел. Портфель и чемодан, как камни. Дома мать, Мира и Нигара. Я сказал матери, что отец требует, чтобы ему прислали 100 рублей его зарплаты и еще 250 рублей на какую-то перепечатку, иначе он намерен там жить до мая и переписывать какие-то бумаги от руки. Мать расстроилась и сказала, что никаких ему денег. Нигаре отдал письмо Шулпанки. Попил чай, покурил на балконе и лег спать. Спал долго, так что-то было тоскливо, не мог долго уснуть, все думал и перебирал в уме свои дела. Утром не хотелось вставать. Поздно встал, мама приготовила завтрак, плов, чай. Взял за спину картины Снегирева и пошел в музей. Отдал картины Савицкому, передал ему сведения о Снегиреве, о картинах Волкова, пошел наверх, в экспозицию, посмотрел работы Тансыкбаева, Фалька, Рыбченко, Мазеля, Егорова, Редько, Лопатникова, Осьмеркина, Рождественского, Шухаева. Зашёл в канцелярию, Савицкий спросил меня, где я буду жить и кончились ли у меня деньги? Я отвечал, что буду жить у матери, благо, что отца нет и его комната пустует, деньги кончились, что осталось немного у жены в Ташкенте и у меня здесь 25 рублей. Сказал, что схожу в город за бумагой. Пошел. Зябко и холодно и в музее и на улице, даже в пальто. Купил бумагу, карандаши. Журнал с Гретой Гарбо, общую тетрадь и пришел на квартиру к Савицкому. Здесь молодая девушка – Гуля, склеивает черепки.

3 декабря 1980 г. Родилась дочка 3кг, 43 см рост. И странно и хорошо. Люда очень мучилась, невыносимо было смотреть на схватки в окно в предродовой палате. Но все окончилось быстро, с 8 до 10 часов. Ребенка вынули щипцами. Есть разрывы, Люда будет лежать 4 дня, ребенка не будут давать кормить. Руки, ноги нормальные, ребенок во всю ревет.

Сходил за водкой, в ресторан «Россию», дал на чай швейцару рубль и 4 рубля сторожу при роддоме. Теща стала ворчать – мол - мне хорошо, а Люда очень мучилась. Назвали дочь - Азиме. Хватит, пожалуй, кажется, нам одного ребенка. Саша и отчим очень рады. Дал телеграмму маме, что родилась девочка. В душе пустота и нет восторга. Завтра за курицей, соком для Люды.

4 декабря 1980 г. Два раза ходил в роддом с продуктами. Скучно без Люды. Приезжал и не застал меня Макарик. Просил завтра в 11 часов приехать в институт. Пытаюсь собраться, но все же деморализован. Куда делось мое Нукусское бодрое настроение? Все представляется в мрачном свете. Нет сил идти в институт. Не могу видеть Кокоткина, очень тяжело его обидел. Оттого никак не могу начать рисовать.

31 декабря 1980 г. У нас с Арсланом никогда не было душевной близости. Он жил своим миром, я своим.

Странное дело, как я дошел до такого состояния. Чем это объяснить? М. б., внутренними причинами: Трусость не жениться; Трусость самостоятельно жить; Трусость личная. Внешние причины – Нет денег, нет друзей. Отсюда смертельная ненависть и агрессивность.